

ПЕРЕПИСКА КН. Д. И. ДОЛГОРУКАГО

Кн. Д. И. Долгорукий брату.

24-го.

Вчера, дорогой мой другъ, мы были свидѣтелями очень прискорбнаго судебнаго происшествія... Казнили двухъ человѣкъ за принадлежность къ карбонаріямъ. Оба умерли съ изумительнымъ мужествомъ до послѣдней минуты и, несмотря на всѣ усилія священниковъ, отказались выполнить свои религіозныя обязанности. Казнь эта была совершена на народной площади. Стеченіе толпы было необычайнымъ. Въ пограничной таможи не должно предъявлять *больше одного* пропуска, предназначеннаго кузенамъ: другой нужно сохранить для римскихъ воротъ, называемыхъ воротами народа.

Потому что если они подѣдутъ къ заставѣ съ пустыми руками, ихъ непременно будутъ обыскивать. — *Avete capito?* — (Поняли)? —

Вы не сомнѣваетесь въ томъ, дорогой другъ мой, что моя просьба будетъ имѣть у кузины успѣхъ, и такое отсутствіе сомнѣній и мнѣ подаетъ слабую надежду, потому что мое правило на всѣ жизненные случаи — вѣрить и надѣяться наполовину. Могу сказать навѣрное, что, какъ только я буду вполне увѣренъ, я возблагодарю небеса и землю и отправлюсь въ Петербургъ, а оттуда въ Москву. Этотъ планъ безпрестанно вертится у меня въ головѣ: онъ крѣпнеть съ каждымъ днемъ и, можно сказать, поглощаетъ всѣ мои мысли. Но знайте заранее, что ни шага я не сдѣлаю для того, чтобы получить другое мѣсто, и что, въ случаѣ успѣха, я твердо рѣшилъ прожить въ Римѣ, по крайней мѣрѣ, еще два года.

Говорятъ, лучшее врагъ хорошаго: я еще молодъ; я хорошо перенешу жаркій климатъ, онъ даетъ мнѣ надежду достигъ того возраста, когда мнѣ уже не будетъ страшень ужасный недугъ, повидимому наследственный; кромѣ того, надежда еще разъ увидѣть кузину и прелестную *Коринну* подъ этимъ чуднымъ небомъ, среди великолѣпныхъ памятниковъ древности, эта надежда кружить мнѣ голову, а твое содѣство, дорогой мой Мишель, мнѣ улыбается. Твое разсужденіе о второй части путешествія вокругъ своей комнаты заслужило полного одобренія гр. де Мэстра, но все таки, несмотря на всю мою привязанность къ автору этой книги, продолженіе этого сочиненія, повторяю, меня не удовлетворяетъ. Чѣмъ я восхищаюсь въ первомъ его путешествіи, такъ это громаднымъ разнообразіемъ картинъ:—трогательная простота вмѣстѣ съ самыми изящными шутками; самое замысловатое искусство наравнѣ съ легкой насмѣшкой; наконецъ, самая наивная правдивость, окрашенная романтизмомъ и сентиментальностью, таковы сцены съ чулкомъ, душою и звѣремъ, съ очаровательной альпійской пастушкой и засохшей розой. Эта первая часть полна благоуханіемъ цвѣтовъ, одна страница лучше другой. Теперь посмотримъ, въ чемъ заключается *дѣйствительныя* достоинства ночного путешествія. На протяженіи длинныхъ главъ авторъ старается уловить прежнее свое вдохновеніе, которое очевидно ускользаетъ отъ него, отсюда получается нѣчто въ родѣ злоупотребленія остротами, которыя были такъ естественны и такъ легко давались ему въ началѣ его путешествія вокругъ своей комнаты. Сцена съ воромъ ничуть не забавна, въ міровой системѣ нѣтъ ничего смѣшного, а кавалькада—вещь почти дурного тона. Наконецъ, чтобы закончить свой обзоръ, я буду разсуждать о второй части по тому впечатлѣнію, которое она произвела на меня. Я тысячу разъ перечитывалъ первый томъ; то я не могъ удержаться отъ смѣха, то впадалъ въ легкую мечтательность. Я тысячу разъ просматривалъ второе путешествіе, но оно не вызвало ни смѣха, ни слезъ. Но несмотря на это, я особенно люблю это произведеніе, и *всѣ* его части *болѣе или менѣе* носятъ на себѣ отпечатокъ ума и чувствительности. Что касается Каскамбо, то, увы! это слабая вещь и хотя повѣсть гр. де Мэстра совсѣмъ нельзя сравнить съ романомъ г-жи Котье, который, по моему, прямо невозможно прочитать, я нахожу, что природу нельзя изображать такою, какая она представляется нашимъ взорамъ, и что истину нужно прикрашивать, а не выставлять напоказъ во всей ея наготѣ. Сравни знаменитаго *Прокаженнаго* съ его двумя послѣдними повѣстями. Первое всегда будетъ образцовымъ драматическимъ произведеніемъ; оно вылилось изъ глубины души, и несмотря на величайшую простоту, господствующую въ немъ, мы замѣчаемъ глубину мыс-

лей и чувство, достигшихъ совершенства.—Говорятъ, г-жа де Мену уже уѣхала изъ Флоренціи: мнѣ очень любопытно знать, какъ она будетъ держать себя со мною въ Римѣ. По поводу твоихъ колебаній изъ за чина можно предположить, что ты непременно хочешь, чтобы тебя упрасивали. Нѣтъ ничего проще, дорогой мой другъ. Но взвѣсь всѣ обстоятельства и пусть тебя въ послѣдній разъ попросятъ о томъ, на что ты *долженъ окончательно рѣшиться и что составляетъ исполненіе твоихъ заветныхъ стремленій*. Дай мнѣ также положительный отвѣтъ на вопросъ о Барантѣ и Ботта. Прощай. Какой же будетъ отвѣтъ относительно Голицыныхъ?

Хочу сказать тебѣ два слова, дорогой другъ. Я получилъ длинное, прелестное письмо отъ Пери. Всѣ здоровы. Она пишетъ слѣдующее. Мятлева ѣдетъ во Флоренцію для здоровья своей дочери Софи, и останется тамъ навсегда; сынъ Клюффеля въ Парижѣ. Елена Строганова вышла замужъ за того Обрѣзкова, который въ Вѣнѣ. Кузина поселилась въ другомъ домѣ, гдѣ совѣмъ не собирается дѣлать большихъ пріемовъ: она чувствуетъ себя гораздо лучше. Благодарю тебя за свѣдѣнія о моихъ книгахъ, но объясни мнѣ, почему, при такомъ благопріятномъ случаѣ, какъ отъѣздъ лицъ, имѣющихъ пропуски, вы поручили ихъ извозчику и адресовали живущимъ въ Римѣ? Развѣ вы не знаете о существованіи таможенъ и о необычайно строгихъ запрещеніяхъ? Я далеко не удовлетворенъ одними только обѣщаніями гр. Бутурлина: нужно, чтобы онъ немедленно прислалъ мнѣ ту книгу, о которой я прошу. Надо настоять на этомъ. Сегодня я пошлю письмо крану. Посмотримъ, каковы будутъ послѣдствія его благосклонности, надѣюсь, что новый годъ не обманетъ нашихъ хорошихъ предзнаменованій.

Пока еще ничего не сдѣлано для нашего производства, очевидно хотятъ воспользоваться первымъ удобнымъ случаемъ. Запоздалое возвращеніе Сверчкова должно поставить тебя въ очень затруднительное положеніе. Возможно ли, чтобы министерство хладнокровно выносило посланника, который, ничего не дѣлая, поглощаетъ огромное жалованіе, между тѣмъ, какъ его секретарь надрывается изъ за пяти тысячъ франковъ въ годъ?—Прощай.

20 Декабря 1825 года.

Государственный гонецъ, проѣзжавшій здѣсь сегодня ночью, передалъ мнѣ твою записку, дорогой другъ. Онъ привезъ намъ подтвержденіе прискорбнаго извѣстія о кончинѣ императора Александра, слухъ о чемъ распространился здѣсь съ 24-го. Извѣстіе произвело впечатлѣніе на всѣхъ. Всѣ его жалѣють.—Сегодня съ утренней почтой ты получишь указъ Италинскаго, изъ котораго узнаешь, что въ настоящее время ничего не нужно предпринимать, а нужно ждать другаго гонца. Мы облеклись въ черное: кренъ на шляпѣ, черныя перчатки, черный костюмъ. Тебѣ нужно сдѣлать то же самое. Мы сообщили здѣшнему двору о смерти государевой, но подѣ секретомъ. Мы не посѣщаемъ больше ни большихъ баловъ, ни театральныхъ представлений.—Благодарю тебя за сегодняшнее письмо, которое я получилъ вмѣстѣ со всѣми прибавленіями, но я очень беспокоюсь за твое здоровье и прошу тебя, насколько возможно, береги себя. Письмо Антонины очаровательно, и я сейчасъ же отвѣчу ей пространно и беззащѣнно. *Г-нъ Киампи* начинаетъ надѣлать Италинскому и мнѣ поручили сказать тебѣ на ушко, что было бы недурно дать ему почувствовать, что ему пора прекратить свои жалобы и мольбы. Онъ большой проныра.—Мы дожили до очень любопытнаго времени. Дай Богъ, чтобы Россія благоденствовала въ новое царствованіе. Да здравствуетъ Императоръ Константинъ! Я чувствую себя великолѣпно и отъ всей души цѣлую тебя. Не забудь о книгахъ Бутурлина. Вотъ письмо Демидова. Отвѣта отъ кузины нѣтъ. Что то пишетъ тебѣ моя милая Коринна?—

29 Декабря 1825 года.

Всѣ разговоры—въ гостиныхъ и среди народа—вращаются вокругъ одного предмета—вокругъ смерти благороднаго Александра. Вотъ нѣсколько новыхъ подробностей. Въ Крыму императоръ простудился: онъ два часа простоялъ на берегу рѣки въ ожиданіи парома, который долженъ былъ перевезти его на ту сторону и который находился на другомъ концѣ рѣки. Вернувшись въ Таганрогъ, онъ не захотѣлъ принять никакого лѣкарства до тѣхъ поръ, пока его духовникъ не исповѣдалъ его. „Сначала я приму Святыя Тайны“, отвѣтилъ ему императоръ, „а потомъ займемся лѣкарствами.“ Но было ужъ поздно: лѣкарство не подѣйствовало. За послѣдніе четыре дня своей жизни онъ безпрестанно звалъ къ себѣ императрицу, которая не отходила отъ него. „Елизавета! Елизавета!“ вотъ единственные слова, которыя императоръ произносилъ послѣ долгихъ промежутковъ дремоты, и скончался, крѣпко держа императрицу за руку. Говорятъ, что съ тѣхъ поръ она

серьезно заболѣла. Императоръ написалъ завѣщаніе. Черезъ каждыя 6 часовъ великій князь Константинъ принималъ гонца изъ Таганрога, наконецъ послѣдній, Гурьевъ, привезъ ему печальную вѣсть о кончинѣ Августѣйшаго брата. Константинъ лишился чувствъ и потомъ въ теченіи восьми дней не желалъ заниматься дѣлами. Онъ позвалъ своего адъютанта. „Государь, что угодно Вашему Величеству?“ спросилъ его тотъ. „Вы будете называть меня *такъ* тогда, когда я вамъ это разрѣшу“, отвѣчалъ ему новый императоръ.—

Ты получилъ указъ Италинскаго? Въ ектеніи ничего не нужно мѣнять до особаго указа изъ Синода.

Кн. Гагаринъ просить тебя сообщить ему, когда у насъ будетъ праздникъ Пасхи, потому что онъ хочетъ поѣхать во Флоренцію для того, чтобы его дѣти могли исполнить свой христіанскій долгъ. Не забудь аккуратно исполнить это порученіе.

Я чувствую себя прекрасно. Гр. Мишо уѣхалъ сегодня утромъ. твои пропуски придуть слишкомъ поздно.—Съ нетерпѣніемъ жду отъ тебя извѣстій, чтобы узнать, какъ ты себя чувствуешь. Прощай, мой лучшій другъ.

1 сего Января 1826 года.

Гонецъ отправится завтра послѣ обѣда, дорогой мой Мишель, но такъ какъ всѣ обязанности по снаряженію его лежатъ на мнѣ, можетъ быть, завтра я не буду имѣть возможности написать тебѣ. Такимъ образомъ, я дѣлаю это сегодня вечеромъ: и лягу спать поздно, послѣ того, какъ кончу письмо, полагая, что съ завтрашней почтой я могу получить извѣстія отъ Кузины и моей прелестной Пери.—Посылаю тебѣ десять луидоровъ.

Одно письмо—къ Антонинѣ. ты потрудишься послать его съ гонцомъ, потому что, несмотря на то, что оно пойдетъ въ Петербургъ, она получитъ его скорѣе, чѣмъ по почтѣ, соединяющей Римъ съ Москвой.

Словари Альберти и книгу Ланци объ іероглифахъ я посылаю къ Бутурлинымъ. Это для того, чтобы скорѣе получить свою книгу.

Тѣ, которыя были посланы съ извозчикомъ все еще въ таможнѣ. Я доведу это дѣло вплоть до Государственной Канцеляріи.

Спокойной ночи, мой милый другъ. сдѣлай одолженіе, пришли остальные мои книги и будь здоровъ.

Римъ, 4 Января.

Ты меня подвелъ, дорогой другъ, съ книгами, о которыхъ я такъ давно тебя просилъ и которыя ты заставилъ меня послать съ извозчикомъ. Оказывается, ихъ задержала римская таможня и мнѣ, *можетъ быть*, придется обойтись и безъ книгъ, и безъ денегъ! Теперь мнѣ придется начинать настоящее судебное дѣло, а ты хорошо знаешь, что нѣтъ ничего болѣе непріятнаго, чѣмъ возня съ присутственными мѣстами. А за послѣднее время у тебя были прекрасные случаи, чтобы прислать мнѣ все.—

Демидовъ не замедлилъ исполнить свое обѣщаніе, и я съ своей стороны примусь за свое. Гонецъ еще не возвратился изъ Неаполя, но я думаю, что онъ скоро будетъ здѣсь, и тебѣ не мѣшало бы заранѣе подумать о его снаряженіи. Съ нимъ я пришлю тебѣ свое письмо къ Антонинѣ и словари, которыя я и постараюсь доставить тебѣ тѣмъ же путемъ.

Не забудь про мои книги у Бутурлина и дай мнѣ знать о доставкѣ послѣднихъ номеровъ табаку. А стихи Ламартина?—Прощай.

3-го Января 1826 года.

Для твоего успокоенія, дорогой другъ, скажу тебѣ, что Министерство Финансовъ возвратило мнѣ книги, задержанныя таможней. Но къ несчастью и Богъ знаетъ по какимъ соображеніямъ, Пятти, вмѣсто того, чтобы достать мнѣ парижское изданіе сочиненій *Баранта*, прислалъ мнѣ брюссельское изданіе, ужасное, которое никонимъ образомъ не можетъ возстановить испорченное моей собакой, и дополнить сочиненіе, которое было у Гагарина. Эта неудача, послѣ мѣсячнаго ожиданія, изводитъ меня. Какъ быть?

Какъ то въ обществѣ я встрѣтилъ двухъ дамъ Англичанокъ. Мать съ дочерью. Онѣ сказали мнѣ, что съ послѣдней ты часто танцовалъ. Я нахожу, что онѣ нехороши собой, болтливы и не считаются съ убѣжденіями другихъ. Г-жа де Сентъ-Олэръ очаровательная женщина. Какъ то разъ я бесѣдовалъ съ ней, и цѣлыхъ два часа прошли совершенно незамѣтно для насъ. Она очень привѣтлива, разсудительна и умна.—

Увы, милый другъ! Отъ Пери нѣтъ никакихъ вѣстей.—Отчасти я приписываю ихъ молчаніе впечатлѣнію, произведенному на кухню смертью императора. Знаешь ли ты, что молодой Брюловъ, изъ Неаполя, пишетъ мой портретъ, и онъ уже необычайно похожъ. Я назначаю его Марѣ Посадницѣ. Такимъ образомъ Пери, моя милая

Пери будетъ часто смотрѣть на него. Брюловъ прекрасный живописецъ, во время своего пребыванія въ Римѣ онъ написалъ 150 портретовъ, между прочимъ портретъ всей королевской семьи, не исключая и короля, который далъ ему рекомендательныя письма къ французскому двору.—

Портретъ батюшки, который мнѣ сдѣлали здѣсь, удивительно удачно передаетъ сходство. Я дарю тебѣ тотъ, который привезъ изъ Москвы и пришлю его при первомъ удобномъ случаѣ. А мои книги???... и т. д. Я чувствую себя прекрасно. Ради Бога не забудь, спроси у домоваго священника, когда у насъ будетъ Пасха?

4 Января 1826 года.

Я былъ очень огорченъ письмомъ Штильфердинга насчетъ тебя, дорогой другъ, и опять начинаю думать, что ни служба, ни флорентинское общество тебѣ не подходятъ. Къ дѣлу: это не должно тебя тревожить, но въ виду необходимости, я тебѣ совѣтую писать мнѣ насколько возможно просто, излагая одни только событія, и никогда не вступать ни въ какіе политическіе споры.

Къ тому же я думаю, что новое царствованіе вызоветъ крупныя перемѣны, и онѣ коснутся Флоренціи скорѣе, чѣмъ какого нибудь другого посольства. Это только предположенія, подсказанныя мнѣ моими собственными мыслями.

Теперь Италинскому было бы невозможно что либо предпринять для тебя; потому что только время можетъ освѣтить событія и дать имъ возможность войти въ свою колею. Будь покоенъ. Это единственное средство успѣть.

Завтра вѣроятно пріѣдутъ молодые Голицыны, и я заранѣе благодарю тебя за все, что ты пришлешь мнѣ съ ними.

Вотъ, милый другъ, мое новое и самое спѣшное порученіе. Тщательно разузнай, находится ли во Флоренціи нѣкій Англичанинъ, по имени Liegh (произносится *Ли*). Одна молодая особа должна выйти за него замужъ, а я ее наперсникъ и общалъ ей провѣрить слухъ о томъ, что онъ пріѣхалъ во Флоренцію. Можно съ успѣхомъ навести объ этомъ справки въ домъ Демидова, гдѣ собираются всѣ Англичане.

Сдѣлай мнѣ одолженіе, поскорѣе пришли мнѣ эти свѣдѣнія, потому что молодая Италиянка умираетъ отъ любви и безпокойства; къ концу будущей недѣли я буду ожидать результатовъ своей попытки и прошу тебя соблюдать на этотъ счетъ строжайшую тайну.

Ты пишешь мнѣ о Геренѣ и ничего не говоришь о моихъ книгахъ, находящихся у гр. Воронцовой, а именно: *Бильонъ* и *Геренъ*. Я нисколько не удивляюсь существующему между двумя сестрами непониманію, нужно умѣть имъ пользоваться....

Скажи, пожалуйста, г-жѣ Лотцъ, что теперь, когда такъ много лицъ сошло со сцены, она могла бы попросить гр. Мари уступить мнѣ автографъ *de Мэстри*. Шлю ей сердечный привѣтъ, также какъ и милой мадемуазель Аннетъ. Мадемуазель Лиза всегда требуетъ большаго, чѣмъ я ей обѣщала: пусть удовольствуется тѣмъ, что получила отъ Камуччини.

Увы! дорогой другъ. Прошло много времени, а я не получаю ничего отъ прелестной Пери. Ея молчаніе удручаетъ меня, потому что теперь ея письма болѣе чѣмъ когда либо нужны мнѣ. Кузина мнѣ вовсе не отвѣчаетъ, а съ другой стороны я боюсь, чтобы мои надежды не разсѣялись, какъ дымъ. Какъ быть тогда? Жестока неизвѣстность.

3 Генваря.

Голицыны пріѣхали и привезли книги, которыя ты имъ поручилъ, за исключеніемъ русской поэмы; ее у нихъ нѣтъ.

Я сейчасъ же повелъ этихъ милыхъ дѣтей къ Италинскому.

На твоёмъ предпоследнемъ письмѣ была подпись, не знаю, по какой причинѣ.

Молодые Голицыны предлагали мнѣ поѣхать вмѣстѣ съ ними на нѣсколько мѣсяцевъ въ Парижъ, а затѣмъ возвратиться во Флоренцію. Это соблазнительный планъ. Я поговорю о немъ съ Италинскимъ.

Милый братъ. Я выхожу отъ Италинскаго, которому прочелъ въ слухъ депешу съ газетой, нынѣ полученную. Все очень хорошо и въ порядкѣ, старикъ доволенъ и къ тебѣ весьма благосклоннымъ себя чувствуетъ, что касается до титула, старикъ улыбнулся и отвѣчалъ: пускай называютъ бѣды нѣтъ никакой. И такъ оставь вещи въ такомъ положеніи, въ какомъ они находятся. Но и тебѣ совѣтую партикулярно и шутя о семъ объясниться съ Ввной. Ибо надутый Сверчковъ весьма опаснѣ смиреннаго нашего схимника. Здѣсь ни я, ни меня въ иныхъ случаяхъ трудно сломить.

Доньянъ никакихъ извѣстій изъ Петербурга. Курьеры сегодня ввечеру возвратится изъ Неаполя и слѣдовательно отправятся отъ сюда, вѣроятно, послѣзавтра.

Голицыны пробыли здѣсь три дни. Я былъ боленъ четыре дни флюсомъ. или твоей болѣзнию, они навѣщали меня со своимъ лѣкаремъ и утромъ и вечеромъ.—Добрые дѣти!

Пишу тебѣ изъ канцеляріи.

Займусь потомъ отсылкою портрета и книгъ. Оставь ихъ до времени у себя, ежели Пятти не захочетъ взять ихъ обратно. Я хочу имѣть первое Парижское изданіе.

Между убитыми въ Петербургѣ находится *Фридрихъ* и нѣкоторые другіе... за доброе дѣло!

Я сегодня не получилъ никакихъ писемъ ни отъ тебя. ни изъ Парижа. Ахъ Пери, Пери!

Торвальдсенъ, сей знаменитый ваятель, подарилъ мнѣ Государевъ бюстъ. Нѣтъ ничего прекраснѣе въ древней скульптурѣ, ничего похожаго съ новѣйшей. Онъ снятъ былъ для меня нарочно въ гипсъ, съ оригинала и тѣмъ драгоцѣнное, ибо Торвальдсенъ не работаетъ въ мраморъ, а оригиналъ имъ самимъ слѣпленъ. Какъ пріятно видѣть дышущаго въ вѣчномъ изображеніи, ... великодушнаго Александра. Не забудь пожалуй моего любовнаго препорученія. Прости, будь здоровъ¹⁾.

Сего 7/19 Января 1826 года.

Надѣюсь, дорогой другъ, что вы останетесь довольны парю словъ Италинскаго, которыя добрый старикъ посылаетъ съ гонцомъ, уѣзжающимъ сегодня вечеромъ.

Въ списокъ будетъ помѣщена посылка Строганову. если же его нѣтъ во Флоренціи, перешлите шкатулку въ Вѣну, адресъ на ней уже помѣченъ.

Сегодня утромъ я получилъ отъ моей Пери прелестное письмо, длинное, грустное. Ея братъ былъ при смерти, теперь опасность миновала.—Въ слѣдующемъ письмѣ я поговорю объ этомъ подробнѣе. Вотъ словечко отъ Голицыныхъ.

Здѣсь все очень хорошо къ тебѣ относятся. Старикъ поручилъ мнѣ тебѣ передать, чтобы ты хорошенько слѣдилъ за Австрійцемъ и частнымъ образомъ говорилъ ему обо всемъ, что ты сможешь *вполнѣ* опредѣленно узнать о томъ, что тотъ говоритъ и дѣлаетъ. Тебѣ слѣдовало бы *отдѣльно* поздравить старика съ новымъ годомъ.

Посылаю тебѣ портретъ. Въ пакетъ, гдѣ онъ лежитъ, находится также и стаканъ. Такъ распечатывай осторожно.—Твой вѣрный другъ.

¹⁾ Письмо писано по-русски. Орфографія подлинника.

Кстати. Ты можешь разъ—другой пойти на балъ, но не принимай дѣятельнаго участія въ танцахъ. Я повторяю слова старика.

Воскресенье, 8 часовъ вечера.

Четвергъ.

Сегодня утромъ почта не принесла мнѣ никакихъ вѣстей отъ тебя, мой милый другъ, и у меня есть только маленькая генуэзская газетка, изъ которой, въ свою очередь, я не узнаю ничего новаго. Вчера я началъ католическій постъ, отобѣдавши у одной прекрасной дамы, Англичанки. Это былъ прощальный обѣдъ для г-жи де Сентъ-Олеръ, которая сегодня утромъ уѣзжаетъ изъ Рима. Мадамъ де Мену говорила мнѣ о вашихъ разногласіяхъ съ графиней Мари и открыла мнѣ одну тайну, которую тебѣ полезно знать, какъ руководство для обращенія съ женщинами, въ одно и то же время злыми, любезными и преданными.—Третьяго дня я обѣдалъ у французскаго посланника вмѣстѣ съ Казиміромъ де Лавинь. Глядя на Лавиня, никакъ нельзя сказать, что это величайшій во Франціи современный поэтъ. Красное личико, глаза довольно живые, но лишенная вдохновенія, внѣшность самая заурядная. Я получилъ отъ Толстого письмо въ стихахъ, гдѣ онъ жалуется на мою нелюдимость и въ своемъ посланіи касается современныхъ событій. Я очень затрудняюсь, какъ ему отвѣчать. Но все таки я это сдѣлаю. Увы! Недостатокъ вдохновенія, свойственный мнѣ отъ природы, поддался роковому вліянію злой судьбы. Стихи Толстого довольно плохи, такъ что тѣ, которые я напишу, будутъ, во всякомъ случаѣ, лучше. Прощай, мой Ангелъ. Я чувствую себя хорошо, но по обыкновенію, грущу.

Вчера я въ четыре часа утра возвращался домой съ бала португальскаго посланника. Отъ усталости меня стошнило. У насъ были прелестныя картины. Танцовали, но я не принималъ участія въ танцахъ. Сегодня утромъ я отправилъ длинное письмо къ Пери и буду отдыхать послѣ цѣлаго ряда шумныхъ римскихъ разблеченій. Мой портретъ, написанный Брюловымъ, необыкновенно похожъ. Слѣдствіе надъ 14-ью еще далеко не закончено, и—возможно ли? въ числѣ арестованныхъ, потомъ называютъ одного князя Долгорукаго. Кто же это? Въ списокъ находятся Орловъ. Боже мой! Что же это за несчастное дѣло?—У меня голова идетъ кругомъ. Отъ всей души цѣлую тебя, ужъ поздно, спѣшу къ Италинскому, который наконецъ получилъ аккредитивъ.

Твой братъ Дмитрій.

Демидовъ тоже въ числѣ ихъ.

„Италианецъ во Флоренціи написалъ ругательную брошюру на покойнаго Государя. Италианецъ сей называется Канелла или что на это похоее. Какой то Англичанинъ заплатилъ ему нѣсколько луидоръ за эту брошюру. Австрійскій министръ въ Флоренціи жаловался о семъ Тѣсканскому Правительству, которое немедленно остановило сего Италианца и выгнало его немедленно изъ Тосканы.

Бомбелль далъ о семъ сюда знать и Италинскій сильно жаловался, что ты о семъ ничего не пишешь. Видишь ли, что такое австрійское посольство? Узнай, ради Бога, подробнѣе все это и напиши сюда.

Еще другое дѣло. Жалуются здѣсь все, что ты ничего не сообщашь Енгельбасу. Какъ быть? Сейчасъ я отправилъ на почту еще одно письмо къ Кориннѣ и другое къ гр. Шуваловой. Между тѣмъ ты хранишь упорное молчаніе. дорогой другъ, молчаніе, которое я приписываю аккредитиву и твоимъ занятіямъ. Мнѣ всего интереснѣе знать, здоровъ ли ты, или по крайней мѣрѣ, что все согласуется съ твоими желаніями. Вчерашняя почта не принесла намъ ничего новаго, а въ нѣмецкой газетѣ есть ужасныя подробности русскаго заговора. Возможно ли, чтобы подобные козни замышлялись среди такого полнаго молчанія? Повидимому, каждый день открываются новыя преступленія. Я здоровъ. Прощай.“

Вторникъ.

По случаю твоего отъѣзда въ Лукку, дорогой другъ, я двѣ почты подъ рядъ не получаю отъ тебя писемъ, и сожалѣю объ этомъ, потому что самое большое мое удовольствіе—часто получать отъ тебя письма. Г-нъ Вимперъ передалъ тебѣ мое посланіе въ стихахъ и скажетъ тебѣ, что я чувствую себя хорошо. несмотря на то, что послѣ его отъѣзда я схватилъ сильный насморкъ. Гагаринъ все еще боленъ, а я съ каждымъ днемъ все больше сближаюсь съ Италинскимъ. Мое обращеніе, почти всегда ровное и спокойное, обезоруживаетъ секретаря посольства и это именно то, чего я достигъ молчаніемъ, которое прерывалъ время отъ времени. съ перваго же дня послѣ пріѣзда моего въ Римъ до сегодняшняго утра включительно. Меншиковъ и Кочубей были спѣшно вызваны въ Петербургъ. Въ ангебургской газетѣ есть очень любопытная статья по этому случаю. Развѣ Кочубей, бывший уже дважды вице-канцлеромъ, не можетъ стать настоящимъ канцлеромъ? Какъ бы это кстати для насъ было. Ахъ!—Ради Бога сообщи мнѣ чтонибудь, если ты въ состояніи чтонибудь узнать.—Кранъ написалъ мнѣ письмо, въ которомъ жалуется, что ты корчишь изъ себя министра! Я отвѣтилъ ему очень вѣжливо,

не вдаваясь ни въ какія подробности. Ты можешь написать свои сообщенія Энгельбаху, потому что, все равно, черезъ два мѣсяца онъ получилъ бы всѣ бумаги изъ Петербурга. Ни одного письма ни отъ Пери, ни отъ кузины! Прощай.

Увѣряю тебя, милый другъ, что я не понимаю, почему во время такихъ любопытныхъ событій намъ пишутъ изъ Москвы, и ничего не сообщаютъ. Можно бы было каждый мѣсяць написать полъ-листа наполняя его восклицаніями, писать какъ можно крупнѣе, чтобы поскорѣе заполнить страницу, что совершенно бесполезно. Я видѣлъ письмо къ кн. Гагарину отъ его брата изъ Москвы, гдѣ онъ пишетъ о царящемъ тамъ спокойствіи, и опускаетъ подробности обо всѣхъ знаковыхъ.

P. S. Я узналъ, что Афросимова скончалась. А намъ впрочемъ не пишутъ. Возвращаю тебѣ ихъ письмо.

И нездоровь, дорогой другъ, страданія меня одолеваютъ, лицо опухло, какъ полная луна, восходящая въ туманѣ, на рукѣ я ношу-фонтанель, а сегодня утромъ принялъ слабительное. Вотъ ужъ нѣсколько дней, какъ не выхожу изъ дому. Занимаюсь то исторіей, то политикой, примѣняю настоящее къ прошедшему, будущее рисуется мнѣ въ самыхъ яркихъ краскахъ, но, главнымъ образомъ, чужое будущее а не свое собственное. Наконецъ вчера, желая доставить себѣ развлеченіе—къ чему я прибѣгаю только въ исключительныхъ случаяхъ—я проглотилъ романъ. Это разсказъ о миссіонерѣ. Написанъ онъ очень хорошо, но замыселъ его опасенъ. Авторъ сопоставляетъ христіанство съ сектой Брамъ, и невольно увлекаешься индусскимъ культомъ. Герой этого романа—миссіонеръ-францисканецъ, влюбляется въ молодую жрицу-Индуску чудной красоты.... Прочитай этотъ романъ, потому что, несмотря на тяжелое впечатлѣніе, которое остается послѣ чтенія, онъ необычайно любопытенъ. Описаніе Кашемира прелестно. Нетерпимость одинакова во всѣхъ сектахъ; любовь покоряетъ священника, какъ и жрицу.—Въ своемъ письмѣ ты говоришь мнѣ о намѣреніяхъ Гагарина поѣхать въ Россію, но ты не знаешь, какой это мечтатель, и то, что онъ намѣренъ сдѣлать сегодня вечеромъ, на другой день откладываетъ.—Мое намѣреніе поѣхать въ Россію не осуществится до тѣхъ поръ, пока я не получу отвѣта отъ кузины, отвѣта, повидимому не предвѣщающаго ничего хорошаго. Возможно, что Гагаринъ съ женой и дѣтьми будетъ проводить святую недѣлю во Флоренціи. Еще разъ особо поручаю тебѣ письмо гр. де Мэстра и автографъ Дамартина. Передай отъ меня тысячу привѣтствій г-жѣ Лотцъ, которая,

очевидно, меня совсѣмъ забыла, и бѣдной Аннетъ. Прошай. Мишель. рука ужъ не двигается отъ усталости.

26-го Феврали.

Дорогой другъ. Я чувствую себя необыкновенно хорошо, но это не помѣшало мнѣ по этому же самому случаю написать отчаянное письмо золотому крану, а причину легко угадать. Но уввы! я слишкомъ хорошо знаю этого человѣка: онъ сдѣлаетъ видъ, что не понимаетъ. Гагаринъ только что получилъ изъ министерства официальное и очень любезное разрѣшеніе ѣхать, куда ему заблагоразсудится, и, что лучше всего, съ сохраненіемъ полнаго содержанія. Онъ этимъ очень доволенъ. Значить, онъ не подозрѣваетъ, что видный атташе и посольство постепенно разстанутся съ нимъ. Мнѣ это тяжело, потому что, несмотря на свои княжескія замашки, онъ всегда былъ добрымъ, а иногда очень услужливымъ малымъ. Сегодня онъ написалъ г-жѣ Несс....: а утромъ прислалъ мнѣ записку, гдѣ сообщаетъ и мнѣ о банкротствѣ Ливіо. А я воспользовался этимъ обстоятельствомъ для того, чтобы напомнить г-жѣ Несс...., что для меня нѣтъ ни выгоды, ни необходимости оставаться далѣе при посольствѣ въ Римѣ. Я на самомъ дѣлѣ усталъ! Почти четыре года я занимаю мѣсто, не дающее мнѣ ни опыта, ни чести! Итакъ князь немедленно отправится въ путь, чтобы ѣхать во Флоренцію, гдѣ онъ хочетъ говѣть и пожить нѣкоторое время. Затѣмъ онъ немедленно уѣдетъ на сѣверъ.

Во французскихъ газетахъ нѣтъ ничего любопытнаго, за исключеніемъ распрей Голландіи съ папскимъ престоломъ изъ за духовныхъ училищъ.—Кстати. Слово на смерть императора Александра, произнесенное однимъ маленькимъ поклонникомъ Данте, слабо.

Зачѣмъ понадобилось дѣлать его достоиніемъ печати!—Если бы ты зналъ, какъ великолѣпенъ во всѣхъ своихъ частяхъ принадлежащій мнѣ бюстъ покойнаго императора, а такъ какъ онъ изъ мастерской великаго Торвальдсена, то главное его достоинство—то, что онъ сдѣланъ изъ гипса. Это неоцѣнимая вещь, потому что она служила образцомъ тому, кто его создалъ. Я предложилъ его кузинѣ, сказавши ей въ своемъ письмѣ, что я пришлю его ей въ ея мирное убѣжище въ Лозаннѣ. Я увѣренъ, что такое вниманіе ее тронетъ. Коссаковскій будетъ здѣсь черезъ десять дней. Если онъ ничего не привезетъ мнѣ отъ Перп, я право буду и огорченъ, и встревоженъ. А пока небо такъ ясно, что мнѣ хочется гулять, а щека у меня распухла, чиріи не проходятъ и сегодня вечеромъ поставлю себѣ второй пластырь на лѣвую руку. Это не мѣшаетъ мнѣ чувствовать себя какъ нельзя лучше, я ѣмъ

столько, сколько мнѣ позволяютъ мои средства, и смѣюсь надъ всѣмъ свѣтомъ, въ окошко гляючи, и не имѣя ни малѣйшаго желанія видѣть кого либо. Сегодня утромъ я написалъ письмо молодымъ Голицынымъ: они подумаютъ, что я при смерти! Обѣдняя въ время болѣзни, не имѣя ни гроша ни на ѣду, ни на питье, ни на лѣкарства, ни на дѣвольскія мушки, я разрѣшаю себѣ вольность. Кузены прислали мнѣ изъ Неаполя денегъ. 12 лудировъ, предназначавшихся для памятника, который еще не заказанъ. Я распечаталъ пачку. Увы! да! попросту. я ее началъ. Такъ сегодня я извѣщаю ихъ объ этомъ миломъ поступкѣ и думаю, что они слишкомъ молоды для того, чтобы обидѣться на меня за это; кромѣ того, я имъ заплачу... но когда? и гдѣ? и чѣмъ?— Богъ вѣсть! А пока я получилъ отъ нихъ письмо съ просьбой о пропускѣ, письмо, гдѣ они извѣщаютъ меня, что 5-го Марта приѣдутъ въ Римъ. Я въ восторгѣ. Мы вмѣстѣ проживемъ и погуляемъ. Ахъ, если бы ты могъ приѣхать на Пасху въ Римъ и послушать *misereere!* Было бы легко получить на это разрѣшеніе, если бы въ наше министерство не закралось новаго рода покровительство родственникамъ. однимъ позволяющее развлекаться на счетъ народнаго героя, а другимъ, не имѣя ни гроша въ карманѣ, сидѣть на бобахъ!

Что подѣлаешь? Всѣ же видятъ неприличіе подобнаго положенія вещей, объ этомъ всѣ говорятъ и никто не хочетъ ничего сдѣлать. Ничего не спрашивай у меня относительно моего повышенія: я въ восторгѣ. потому что это даетъ мнѣ возможность если не жаловаться, то хоть вздохнуть.—Говорить! ни за что на свѣтѣ.—Плумъ-пуддингъ отлично могъ бы догадаться!—

Отъ всей души цѣлую тебя. Ламартинъ сдѣлалъ бы гораздо лучше, если бы молчалъ, вмѣсто того, чтобы унижать такое дарованіе, какъ его поэтическій талантъ, говоря, что поэтъ можетъ говорить неправду и что преувеличеніе ему свойственно.— Правда-ли, что онъ дрался на дуэли?—

Вторникъ, 28 сего Февраля.

Твое сегодняшнее письмо, дорогой другъ, доставило мнѣ удовольствіе, безъ котораго я не могъ бы обойтись, и которое помогло моему существованію. Посылка отъ Пери! И желать передать мнѣ ее черезъ двѣ недѣли! несчастный!—Да! Пери божество, спустившееся съ высотъ персидскихъ для спасенія человѣчества, это свѣтило, направляющее его на стезю любви. Божество, удаляющее людей отъ толпы и приближающее ихъ къ небу! Мое послѣднее, длинное письмо дало тебѣ невѣрное

представленіе о моей болѣзни. То, которое я пишу тебѣ сегодня утромъ, извѣститъ тебя о полномъ выздоровленіи, о болѣе спокойномъ настроеніи духа, и о большемъ душевномъ равновѣсіи. Итал. остался очень доволенъ твоимъ докладомъ о дѣлѣ Ламартина; онъ даже приказалъ мнѣ отвѣтить тебѣ, но я отказался, сказавъ, что *не слѣдуетъ* это дѣлать. Съ нетерпѣніемъ ожидаю свою книгу и вполнѣ одобряю твои предложенія золотому крану. Съ этимъ человѣкомъ нужно умѣть обращаться, держать его наготовѣ и бесѣдовать съ нимъ о царствованіи императрицы Екатерины, гдѣ и ему хотѣлось *что то* сказать! Это доставляетъ ему удовольствіе, потому что теперь онъ ничто. Кромѣ того, чтобы быть вполнѣ откровеннымъ... скажу тебѣ словечко: посылка отъ Пери!—Я приму Орлова согласно твоему желанію и такъ, какъ онъ этого заслуживаетъ. Г. отправляется въ путь черезъ нѣсколько дней, изъ этого слѣдуетъ, что нужно хорошенько подмазать колеса и положить на волю Отца нашего небеснаго, въ милости у котораго, надѣюсь, ты долго будешь находиться. Итакъ, мы остаемся при Посольствѣ. Г. получилъ шестимѣсячный отпускъ! Твои финансы плохи, мои не лучше, но если прилетѣть графиня или золотой кранъ, то я брызну изъ него до Флоренціи. Между тѣмъ поговорю и съ послѣднимъ на счетъ твоего положенія.—Авось!—Я исполню порученія Е. В. Короля, потому что я въ восторгѣ оттого, что могу быть ему пріятнымъ.

Прощай. Посылка отъ Пери—я началъ плясать по комнатѣ и на радостяхъ стукнулся о стѣну—что, по мнѣнію людей опытныхъ, служить лучшимъ признакомъ удовольствія.

Четвергъ.

Моментъ полученія твоего письма отъ 4 Декабря совпалъ съ пріѣздомъ въ Римъ князя Щербатова. Такимъ образомъ, я тотчасъ же передалъ ему посылку, адресованную на его имя.

Кузены тоже возвратились изъ Неаполя, очарованные г-жей де Котталанъ и графиней де Сентъ-Олеръ. Они пробудутъ въ Римѣ цѣлый мѣсяцъ, потому что для осмотра древностей этого города нужно время. Докторъ Альбини съ своей стороны поѣдетъ осматривать больницы, а я облегчая ему возможность все видѣть, предоставляю ему преимущества, недоступныя для другихъ. Такимъ образомъ я сдѣлаю новый осмотръ древностей и больницъ. Князь Гагаринъ дожидается только возвращенія гр. Коссаковскаго, и тогда немедленно отправится въ путь.

Его отъѣздъ меньше всего меня тревожитъ, но что меня бѣситъ, такъ это то, что я до сихъ поръ не могу получить посылку отъ Пери, потому что Орловъ еще не пріѣхалъ. Кормани прислалъ Италинскому

новый Календарь, и я замѣтилъ послѣднему, что на сей разъ всѣ ордена были подъ нумерами, заставивъ его взглянуть на старинный календарь, гдѣ была помѣщена только четвертая ихъ часть. Это мелочи, но онѣ часто производятъ сильное впечатлѣніе. Старикъ остался доволенъ. Я угадалъ отвѣтъ крана: онъ притворяется непонимающимъ, и не говорить со мной о книгахъ. Но я не смущаюсь и опять черезъ нѣсколько дней возвращусь къ своей двойной должности. Къ чему приведетъ одновременная получка моихъ писемъ? Это происходитъ, должно быть, по небрежности вашей почты, у которой не хватаетъ времени для просмотра, или отъ Петра, который не вынулъ ихъ во время. Я чувствую себя чудесно и вполне согласенъ съ тобой, что при всякихъ жизненныхъ обстоятельствахъ здоровье есть первое условіе счастья. Г-жа де Сентъ Оларъ возвратится въ скоромъ времени. А вмѣстѣ съ нею вернутся и болтовня и религіозныя бесѣды, но глубокія и почерпнутыя изъ первыхъ источниковъ.

Я охотно исполню просьбу и при первомъ удобномъ случаѣ пришлю тебѣ поэму Чайльдъ Гарольдъ, несмотря на то, что въ немъ заключаются замѣтки Пери. Я увѣренъ, что ты не будешь ихъ вычеркивать, и если я удостоился узнать чувства этой чудной женщины, ты больше меня достоинъ этого. Взамѣнъ прошу тебя немедленно прислать мнѣ *по почтѣ*, оба Оправданія Ламартина.

Лавинъ не одобряетъ его поведенія: Лавинъ, такой добрый и простой человекъ! Послѣ возвращенія кузеновъ моя жизнь стала разнообразнѣе, и я имѣю удовольствіе четверть дня кататься въ экипажѣ, радость, которую рѣдко приходится испытывать богатымъ людямъ, но которыя очень чувствительны для бѣдныхъ. Прощай, дорогой другъ. Кстати, Италинскій поручилъ мнѣ узнать у тебя одну вещь.— Я не такъ началъ фразу, нужно узнать, сколько стоитъ Италинскому послѣдній томъ *Кювве*.

Ты можешь отъ его имени навести справки у Пятти, его поставщика книгъ.

Я замѣчаю, что, несмотря на наступленіе новаго года, ты продолжаешь ставить цифры на депешахъ и на моихъ письмахъ. Когда же ты начнешь съ начала? Извѣсти меня о полученіи этого письма и будь здоровъ. Прощай.

Дмитрій.

Вторникъ.

Не нужно удивляться неудовольствію великой княгини по поводу ареста Княжевича. Это саксонская принцесса, а саксонская принцесса, мы знаемъ, не можетъ дать Россіи благополучія.